

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНЦЕПТОВ *НЕФТЬ* И *ТРУД* В МАЛОЙ ПРЕССЕ НЕФТЕДОБЫВАЮЩИХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «НАРЫМСКИЙ ВЕСТНИК»)

Статья посвящена анализу обусловленных актуализацией концепта *нефть* семантических трансформаций смысловой и аксиологической структуры концепта *труд* в дискурсе малой прессы нефтедобывающей территории. Доказывается, что при внедрении «нефтяных» идеалов в ассоциативно-смысловое развертывание медиатекстов аксиология трудности и интенсивности усилий замещается аксиологией технической сложности и производственной наукоемкости, а императив труда как этического долга замещается ценностями моды, популярности, элитарности, социального престижа.

Ключевые слова: медиаконцепт; семантические трансформации; региональная картина мира.

Являющийся ключевым для томской семиосферы медиаконцепт *нефть* (см. об этом: [1, 2]) обнаруживает большие миромоделирующие возможности и специфические семантические трансформации в районной, так называемой «малой», прессе нефтедобывающих территорий, к которым относится Парабельский район Томской области, где издается газета «Нарымский вестник».

С наступлением нефтяной эпохи и приходом рыночных отношений важнейшая для местной газеты функция «организатора социального пространства» [3. С. 8] требует поиска способов внедрения новых прогрессивных ценностей в традиционную языковую картину мира сельского жителя Сибири. Доминантным свойством его мировидения является «ощущение единства человека со всеми формами природного макрокосма в его органических и неорганических проявлениях» [4. С. 255]. В связи с этим перед местными СМИ стоит задача введения в традиционную аксиологическую матрицу сельского социума, «ощущающего себя единым языковым сообществом» и имеющего «общую ценностную картину мира, запечатленную в языке» [Там же. С. 287], не свойственных ей «экономикосырьевых» концептов как фундаментальных основ жизнедеятельности.

По данным томских диалектологов (см. работы Е.В. Иванцовой, Л.Г. Гынгазовой и др.), подчеркивающих «прагматическую ориентированность языковой картины мира диалектоносителя» [Там же], в традиционном крестьянском сознании сибиряка приоритетное место занимали «источники поддержания жизненной энергии: хлеб, солнце, земля, корова, картошка» [5. С. 121]. В настоящее время обусловленная объективными социально-экономическими обстоятельствами, проводимая посредством местных СМИ экспансия ценностей индустриально и урбанистски ориентированной массовой культуры нацелена на категориальную перестройку, своеобразное пересоздание макрокосма сельского жителя посредством разного рода семантических модификаций смыслового и аксиологического наполнения традиционных концептов народной культуры.

Так, ключевой для традиционной русской культуры концепт *труд* в новой, медийной, ипостаси претерпевает с наступлением нефтяной эпохи кардинальные сдвиги в своей категориальной структуре. Анализ контента «Нарымского вестника» за 2002 г. (именно начало 2000-х гг. характеризуется интенсивным повышением как цены на нефть, так и актуальности нефтяной тематики в СМИ) показывает, что образующаяся в районном медиадис-

курсе концептуальная связка *нефть* – *труд* приводит к постепенной значительной трансформации содержания фундаментальных кластеров концепта.

Концепт *труд* можно назвать одной из наиболее исследованных в отечественной лингвокультурологии единиц русской концептосферы (см.: [6–8] и др.). Большинство исследователей выделяет две тесно взаимосвязанные аксиологические доминанты этого концепта: представление о труде, во-первых, как об «общечеловеческой утилитарно-практической ценности», а во-вторых, как о безусловном нравственном императиве [6. С. 12]. По словам Л.Г. Гынгазовой, труд – это для языковой личности диалектоносителя, «в первую очередь, необходимое условие жизнедеятельности, а уже потом главный нравственный долг человека» [5. С. 121].

Базовый слой данного концепта «представлен в сознании носителей русского языка такими признаками, как “усилие”, “напряжение”, “физическое мучение”» [6. С. 6], а актуализировавшийся в советский период идеологический слой связан прежде всего с героизацией интенсивности трудового действия. Так, в газете «Магнитогорский рабочий» советского времени «критерием интенсивности труда служат идеологемы *трудоваго подъема, трудовой энтузиазм, трудовой героизм, социалистическое соревнование, стахановец, ударник, темпы труда*» [7. С. 14]. В советской идеосфере труд абстрагируется от конкретного человека, нивелируется утилитарно-практический смысл непосредственного обеспечения жизни результатами труда, который замещается абстрактно-идеологическим смыслом всеобщего коллективного социального блага.

Современный нефтяной районный медиадискурс, вынужденный дистанцироваться по объективно-экономическим причинам доминирования на территории промышленного производства от крестьянско-земледельческой парадигмы, а по идеологическим причинам провозглашенной демократизации – от советской, демонстрирует еще больший крен в сторону обезличенности процесса трудовой деятельности и ее результатов, эксплуатируя при этом семантико-аксиологические презумпции как первой парадигмы, так и второй, значительно их модифицируя.

Начнем с того, что безусловно положительно оцениваемое и в крестьянской (ср.: *Не от росы урожай, а от поту* [8. С. 16]), и в особенности в советской системах координат качество интенсивности труда аккумулируется в контенте «Нарымского вестника» исключительно в критерий количества добытой нефти и постулировании прямой и очевидной зависимости от этого

критерия благополучия района в целом. Ср.: *увеличение добычи нефти должно сопровождаться дальнейшим развитием территории; В этом году ЮКОС достиг наивысших темпов роста нефтедобычи, а это означает увеличение налогов для развития социальной сферы в целом; Нефтяная отрасль должна стать надежной основой для уверенного движения к благополучию; Вклад нефтяников в экономику района общеизвестен.* Как видим, в данных контекстах снята как свойственная советской патетике гипертрофированная героизация трудовых свершений (и вообще герой – ударник, стахановец – отсутствует), так и присущая традиционной ментальности привязка к человеческому фактору, фигуре активного деятеля, *работающего до седьмого пота*. Зато навязчиво и категорично, в том числе с помощью клише и штампов советской эпохи (*темпы роста, вклад в экономику*), а также концентрации маркеров положительной динамики (*увеличение, развитие, достиг, наивысших, уверенного движения*), пропагандируется максимально позитивный социальный и экономический эффект деятельности нефтяной отрасли для региона.

Как мы уже отмечали, в советской прессе в матрице семантического кластера концепта, связанного со смыслом *трудной, тяжелой, напряженной работы*, произошло преобразование, обусловленное выдвиганием на первый план семантики *интенсивности* труда и его *героизации*, следовательно, более тесным сближением, если не наложением утилитарно-практической и духовно-нравственной аксиологий труда. В постсоветское время «изменения прослеживаются в газетах конца XX – начала XXI в.: нет в них призывов относиться к труду как к нравственному подвигу, мало изречений, призывающих распределять материальные блага в соответствии с затраченным трудом» [7. С. 17].

Проведенное нами исследование выявило дальнейшие эволюционные трансформации анализируемого фрагмента коллективной концептосферы. Внедрение импульсов концепта *нефть* в семантическую структуру концепта *труд* ведет, во-первых, к замещению смыслов *трудности, тяжести и интенсивности* смыслами *технической сложности и наукоемкости*. Во-вторых – к подмене *этической оценки* труда как нравственного долга и морального императива *социальной оценкой* труда в нефтяной сфере и самой этой сферы как престижных, популярных, модных.

Будучи синонимами, толкуемые посредством друг друга в словарях (см., например: [9. С. 731]) атрибутивы *трудный* и *сложный* регулярно маркируют различные объекты действительности, а «сопоставление сочетаемости прилагательных *трудный* и *сложный* позволяет сказать, что прилагательное *сложный* не имеет значения “такой, к которому необходимо приложить усилия” и характеризует “сложность” предмета как соответствующую норме, не требующую исправлений, не причиняющую беспокойств» [10].

Таким образом, характеризуя работу нефтяной отрасли как *сложный технологический процесс*, авторы материалов районной прессы минимизируют семантику больших усилий и интенсивности, актуализируя позитивную социальную оценку современной нормы высокотехнологичного «продвинутого» производства:

*то, что происходит на нефтеперекачивающей станции, можно назвать **технической революцией**; за счет модернизации и технического перевооружения производств создано современное высокоэффективное предприятие.* Как видим, коннотации технической сложности и престижности накладываются друг на друга, в том числе за счет использования доступной только образованному, эрудированному человеку специальной терминологии, многократно усиливая кумулятивный эффект воздействия на воспринимательное сознание.

Работа в нефтяной сфере по причине ее технологической насыщенности преподносится как высококвалифицированная и узкоспециализированная. Так, относительное прилагательное *специальный* приобретает качественные признаки престижности, авторитетности, избранности, элитарности: *Защитой объектов нефтепроводов сегодня занимается специально созданная служба безопасности; За всеми процессами, происходящими при транспортировке нефти, круглосуточно, ежеминутно следят специальные службы.* Абстрактно-отстраненная, административно-безличная номинация *службы* становится частотным представителем семантики средоточия компетенций и процедур, недоступных пониманию. *Службы* занимаются особо важными, сложными, непостижимыми для непосвященных вещами: *они занимаются защитой объектов, следят за всеми процессами, к ним стекается вся информация (в диспетчерскую службу стекается вся информация о ситуации на нефтепроводе и нефтеперекачивающих станциях области).*

Концентрация заимствованной общенаучной терминологической лексики (*объектов, процессами, информация*), отмеченной коннотациями неопределенности и неконкретности (неизвестно, что за *объекты*, что за *процессы*, какая *информация*), в сочетании с дейксисом всеобщности и неопределенности (*за всеми процессами, вся информация*), а также предикатами, в которых действия и процессы опять же не конкретизируются (непонятно, каким образом *занимаются защитой, следят, стекается*), создают впечатление некой закрытой, сложноустроенной и недоступной простым смертным сферы.

Те, кто трудится в этой сфере, должны обладать выдающимися профессиональными познаниями, быть высокообразованными специалистами (*Диспетчер должен иметь высокий уровень знаний в области особенностей трубопровода, насосных агрегатов и опасных свойств нефти*). В руководящих структурах работают занимающиеся уже совершенно непостижимой сложности умственной деятельностью и принимающие важные решения *эксперты – нефтегазовые аналитики (Победителей конкурса определяли независимые эксперты, в число которых вошли нефтегазовые аналитики)*. Интересно, что присущая народному сознанию противопоставленность типажей специалиста и простого человека в русле оппозиции элитарности / общности, избранности / типичности часто проявляется в различных речевых практиках и даже в научной речи: *В настоящее время рекламные тексты вызывают неподдельный интерес не только у специалистов, но и у простых людей* (из речи на защите дипломной работы студентки ТГПУ).

Нетрудно заметить, что в приведенных выше газетных текстах отражается отстраненное почтение и уважение к престижному и в глобальных государственных масштабах крайне значимому (*безаварийная работа нефтепроводов – дело большой государственной важности*), но непонятному и недоступному вследствие своей чрезмерной сложности труда, практический результат которого, как и нравственная сущность, оказываются вне ценностных ориентиров традиционной сельской культуры.

Дело в том, что, видимо, даже сверхстремительные темпы технического прогресса и глобализации конца XX – начала XXI в. не смогли до основания разрушить традиционное недоверие сельского жителя к промышленному машинному труду. В.Г. Токарев, анализируя лингвокультурное наполнение концепта *труд*, приводит такую характеристику главного героя рассказа Г.И. Успенского «Петькина карьера» – выходца из крестьянской среды, который не сумел связать свою жизнь с земледельческим трудом: «*Он теперь, очевидно, навеки фабричный, машинный человек!*». Далее исследователь подчеркивает, что «окказиональный синоним *машинный* указывает на обогащение смысла *работающий на фабрике* такими ментальными квантами, как *неживой, автомат, бездушный, интенсификацию исходного смысла и его отрицательную оценку* [8. С. 9].

В традиционной народной культуре отношение к ассоциирующимся с трудом в нефтяной сфере интеллектуальному знанию, учености, образованности неоднозначно. Доказательные подтверждения этому приводит в монографии «Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России» этнолог и фольклорист О.Б. Христофорова, рассматривающая веру в колдовство как социально-культурный феномен [11]. Представленные исследователем наблюдения о содержании концепта *знать* в народной культуре весьма актуальны для нашей работы по причине того, что эти наблюдения сделаны на основе, по сути, дискурсивного лингвокультурологического анализа не только русского паремического фонда, но и полевых материалов (высказываний информантов), собранных автором в нескольких регионах России в 1998–2008 гг.

Говоря о многозначности глагола *знать* в данной культурной среде, при истолковании значения которого нельзя ограничиться тривиальным суждением, антрополог замечает: «...спрашивая информанта, знает ли он такой-то обычай, я всегда имею в виду случаи из жизни, истории, которые помогли бы высветить семантику тех или иных явлений и глубже понять традицию. А информанты понимают это как просьбу научить» [11]. То есть истинной, реальной и реализованной ценностью обладает знание, которому можно обучить в собственной среде, передав конкретные навыки, ведущие к конкретному и осязаемому результату, умению что-то делать. Абстрактное, не чреватое реальным результатом – умением что-то делать – знание о чем-либо, просто содержащееся в голове, не воспринимается как подлинное знание – о нем *слышал*, но в результате *дело не делал*: *Бог его знает, не знаю! Вот я век прожила и не знала это дело. Слышать – слыхала, а вот знать – не знала. Сама это дело не делала.*

Далее автор говорит об укорененном в народной культуре стереотипе опасности чрезмерной учености как для самого субъекта, так и для общества и опасливом отношении к «ученым», «специалистам» в сопряжении «...с недоверием, подозрительностью, готовой в любой момент разрядиться в насмешку, чему есть множество примеров в этнографических описаниях и что отражено в паремическом фонде. Например: *Ума много, да толку нет; Не нужен ученый, а нужен смышленный; Умная голова, да дураку досталась; Одно лишь название – специалист; Дело не в звании, а в знании; Ум без догадки гроша не стоит*» [11].

Заметим, что данный стереотип исключительно устойчив: достаточно вспомнить его мастерское обыгрывание в рассказах В.М. Шукшина, а О.Б. Христофорова в названной работе [11] приводит следующие аргументирующие ссылки: «В 1871 г. Ф.В. Селезнев отмечал: “Против грамотных [у крестьян] есть предубеждение, что грамотный скорее испортится в нравственном отношении”» [11]. Ср. также высказывание вятских старообрядцев: *Люди пошли грамотнее, но бестолковее*. Ценным для нас оказывается и мнение О.Б. Христофоровой о резком контрасте оценки приобретенного путем интеллектуального образования профессионализма колдунов в деревне и в городе. Если в сельской местности в характерной для традиционной культуры оппозиции *природный / ученый* колдун первый признавался более сильным, то в городских газетах, по наблюдениям Т.В. Цивьян, в рекламных объявлениях преобладал мотив профессионализма колдунов, один из показателей которого – постоянное совершенствование профессиональных методов (разработка проектов, обмен опытом, чтение литературы) [13].

Интересно, что модусы некоторой настороженности и недоверия к труду в нефтяной отрасли отчетливо проявляются в высказываниях жителей с. Парабель, собранных участниками диалектологической экспедиции кафедры русского языка ТГУ под руководством Т.А. Демешкиной в 1985 г.: *На езёрах рыбы много можно наловить. Сено косим, где повыше кочки – складёшь – там и сохнет. Шшас нефтепровод идет. Зять наш непутный там работат. То гандрена у няво, то лень; Да, тридцать с лишним лет девушка, работает на нефтебазе, грамотная. Вот она сейчас, по видимому, с каким-то стала ходить. Хороша девка, у матери спросишь: «А, говорит, – не идёт, не идёт замуж». За плохих она не идёт, а за пьяницу не хочет.*

В первом контексте говорится о том, что на нефтепроводе работает нравственно ущербный, *непутный* зять участницы опроса, выражающей явное осуждающе-пренебрежительное отношение к таким его качествам, как лень и ипохондрия. Во втором высказывании прослеживается сочувствие жительницы Парабелы к незамужней тридцатилетней с лишним девушке. Причина того неблагоприятного факта, что *хороша девка с каким-то стала ходить*, но никак не может выполнить считающееся в крестьянском социуме главным предназначение женщины – выйти замуж – кроется в ее грамотности, соответствующей работе на нефтебазе. В данном фрагменте возникает контекстная антонимия *грамотная – плохие и пьяницы*: образованной и «сделавшей карьеру» девушке уже не удастся вписаться в

деревенский социум, у нее завышенные требования к возможным претендентам на руку и сердце.

Как видим, оба персонажа, занятые в нефтяной отрасли, по разным причинам не вписываются в этические нормы традиционной крестьянской культуры, их образ жизни не оценивается местным общественным мнением как достойный и правильный.

Подведем итоги. Репрезентируемый в местных СМИ локально маркированный медиаконцепт *нефть* обнаруживает сильный миромоделирующий потенциал в нефтедобывающих районах, в которых исконной была традиционная крестьянская культура. Воздействующей силой транслируемых районной газетой актуальных информационно-идеологических трендов способствует, по сути, манипулятивный механизм последовательной трансформации семантической структуры коренных ценностей крестьянской культуры с опорой на аксиологическую структуру этих ценностей. Так, при внедрении «нефтяных» идеалов в ассоциативно-смысловое развертывание текстов районной газеты происходят напоминающие мимикрию мутациоподобные процессы преобразований в семантической матрице фундаментальных культурных констант, таких как концепт *труд*, или представлений о об истинно полезном знании.

Исследование показало, что «мутируют» за счет подмены исконных семантических признаков подобными, но принципиально иными, базисные кластеры

концепта *труд*: утилитарно-практический кластер, ранее аккумулирующий аксиологию трудности и интенсивности усилий, замещается аксиологией технической сложности и производственной наукоемкости; духовно-нравственный кластер, ранее фокусирующий императив этического долга, замещается аксиологией моды, популярности, элитарности, социального престижа.

В то же время абстрактность и недоступность для понимания рядовым сельским жителем специфики организации труда в нефтяной отрасли и, главное, неконкретность и «виртуальность» эмпирических результатов этого труда, требующего в то же время от работающего специальных знаний интеллектуального характера и высокого уровня образованности, во-первых, заставляют журналистов писать абстрактным наукообразным «заштампованным» языком. Во-вторых, делают нефтяную проблематику «трудноусваиваемой», не вполне соответствующей этическим нормам традиционной сельской культуры, а потому чуждой, вызывающей недоверие.

Таким образом, семантическая эволюция концептов *нефть* и *труд* в дискурсе малой прессы нефтедобывающей территории характеризуется имплицитной оппозицией ценностей народной культуры и навязываемых нефтью цивилизационных прогрессистских установок, а также последовательной «аксиологической экспансией» последних с целью трансформации традиционной картины мира регионального сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлова О.В. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 6 (69). С. 79–84.
2. Орлова О.В. Миромоделирующий потенциал регионально маркированного медиаконцепта: концепт *нефть* в томской медиасфере // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 4 (12). С. 33–41.
3. Радионцева Е.С. Творческий потенциал современной районной газеты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 19 с.
4. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002. 312 с.
5. Гынгазова Л.Г. Ценностная картина мира диалектоносителя: к проблеме лакунарности // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте: Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 2009. С. 115–122.
6. Басова Л.В. Концепт «труд» в русском языке (на материале пословиц и поговорок) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 19 с.
7. Чернова О.Е. Концепт «труд» как объект идеологизации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 20 с.
8. Токарев Г.В. Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003. 47 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. 943 с.
10. Лысова Л.Д. Сочетаемость прилагательных *трудный*, *сложный*, *тяжелый* с существительными, обозначающими ребенка, и существительными, обозначающими взрослого человека // Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев. URL: http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/russian/lexis/Lysova.pdf
11. Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010. URL: <http://www.peremeny.ru/book/rd/160>
12. Трушкова И.Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX в.: система жизнеобеспечения : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2003. 471 с.
13. Цивьян Т.В. Об одном классе персонажей низшей мифологии: «Профессионалы» // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 177–192.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 октября 2011 г.